

Григорий Саломатин
**Харсенвельд:
Одинокий
маяк**

Григорий Саломатин

Харсенвельд: Одинокий маяк

<https://litres.ru/74087981>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда то Харсенвельд был процветающим краем на север империи — богатым, оживлённым, полным надежд. Здесь бурлила торговля, а рудники щедро дарили драгоценные камни, притягивая купцов и искателей удачи. Но времена изменились: жилы иссякли, блеск богатства померк, и империя, утратив интерес, предала некогда благодатные земли забвению.

А беды, как водится, не приходят поодиночке. Молодому Мирриму предстоит покинуть родной дом — и это лишь первый шаг на пути, который может стать судьбоносным не только для него самого. Вперёд его ведёт не просто жажда спасения, но и отчаянная попытка уберечь Харсенвельд от надвигающегося зла.

Содержание

Глава 1: Маяк	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Григорий Саломатин

Харсенвельд: Одинокий маяк

Глава 1: Маяк

Харсенвельд — крайняя северная грань Империи Аконит, словно страж на пороге бескрайних льдов. В былые времена эта земля была сердцем торговли, манившим к себе корабли со всех концов света. Богатства, таившиеся в недрах местных рудников, славились далеко за пределами Империи: драгоценные камни чистейшей воды, искрившиеся, будто осколки звёзд, притягивали купцов.

Они стекались сюда, наполняя трюмы своих судов сундуками и мешками, ибо знали: нигде больше не сыскать самоцветов столь безупречного качества. А в Кеспеле, главном городе этих земель, жизнь была ключом. Пусть он и не мог похвастать величавыми размерами, зато шум его улиц никогда не стихал: здесь гремели ярмарки, сверкали огнями уличные представления, а в пёстрой толпе мелькали лица путников из самых дальних краёв.

Но, увы, те блистательные времена канули в лету, словно отголосок давно стихшей песни. Сперва истощились рудни-

ки — их некогда щедрые недра, дарившие миру драгоценные камни, постепенно умолкли, утратив своё волшебство. Торговля замерла, и остров, прежде манивший к себе корабли, начал стираться из памяти людей. Даже сама Империя, некогда ревниво оберегавшая свои владения, ныне не вспоминала о Харсенвельде — он стал далёким, почти забытым уголком на краю мира. Лишь крохотный охранный пост, затерянный среди холодных ветров, ещё хранил намёк на присутствие власти, указывая на правителя этих опустевших земель. Люди стали покидать остров, устремляясь к материке, где жизнь казалась хоть чуточку легче. Но отплыть было непросто: Харсенвельд словно сам отталкивал от себя гостей. Его берега обрамляли неприступные скалы — острые, как клинки, вздымавшиеся из пенящихся волн. Между ними не смогла бы проскользнуть даже самая крохотная лодка.

Единственной нитью, связывавшей остров с большим миром, оставалось южное побережье — там, где когда то раскинулся оживлённый порт, принимавший суда со всех морей. Но и он давно безмолвствовал, поглощённый тишиной и забвением. Провизию и помощь больше никто не поставлял, и оставшиеся жители были вынуждены полагаться лишь на собственные силы, день за днём сражаясь с суровой природой и неумолимым течением времени.

Именно здесь, у порта, давно поглощённого веками, высился маяк — и с него берёт начало наша история. Он был последним стражем острова, единственной надеждой для за-

блудившихся в ночи кораблей и хрупкой нитью, связывавшей Харсенвельд с миром. В бурю, когда волны вздымались, словно разъярённые звери, а тьма смыкалась над морем непроглядным покрывалом, лишь свет маяка мог указать путь — и потому испокон веков профессия его смотрителя почиталась как дело благородное и крайне важное. Таким был и Мирим — юноша, чуть больше года назад принявший на себя эту почётную ношу. Он был молод, но в его движениях уже угадывалась привычная, выверенная точность человека, знающего цену каждому жесту. Родителей своих он не помнил — их образы давно растворились в дымке раннего детства, оставив после себя лишь смутную тоску. Всю свою жизнь Мирим провёл рядом с дедушкой: тот стал для него и семьёй, и опорой, и целым миром. Дедушка научил его всему — от самых простых, будничных вещей, вроде того, как правильно завязать шнурки на ботинках, до тонких премудростей ремесла: как менять масло в лампе, как подобрать нужный фитиль, чтобы пламя горело ровно и ярко, не поддаваясь порывам ветра. Они редко выбирались в город — путь туда был долгим и нелёгким. Когда годы взяли своё и дедушка стал совсем слаб, заботу о припасах и необходимых вещах взял на себя его старший друг — тот самый, с кем они когда то вместе несли службу. Раз в несколько недель он появлялся у их порога, оставляя мешки с провизией и нужные мелочи. Но лица его Мирим так ни разу и не увидел: незнакомец всегда приходил в глубоком капюшоне и разговаривал

только с дедушкой.

Уход дедушки оставил в душе Мирима глубокую, не заживающую рану. Время будто застыло, превратившись в тягучую, безмолвную пустоту, где каждый день был похож на предыдущий, а жизнь утратила прежний смысл. Дни тянулись бесконечно, и Мирим всё чаще застывал у края утёса, устремив взгляд в бескрайнюю даль морского горизонта. В груди теплилась робкая, почти отчаянная надежда: вот-вот из пелены тумана покажется корабль Империи — гордый, величественный, с развевающимися на ветру стягами, — и унесёт жителей острова прочь от этой суровой, забытой земли. Но море оставалось безмолвным и равнодушным. Ни единого паруса на горизонте — лишь бесконечные волны, перекатывающиеся одна за другой, да пронзительный, тоскливый крик чаек, будто вторящий одиночеству Мирима. С той же неуклонной тщательностью, с какой когда то учил его дедушка, юноша следил за маяком. Он чистил стекло, менял фитиль, доливал масло. Это стало его долгом, его клятвой памяти о близком человеке. И, быть может, именно в этом тихом, размеренном труде таилось едва уловимое утешение: пока горит свет маяка, часть дедушки остаётся здесь, рядом, оберегая остров и самого Мирима. Припасы все так же появлялись у порога — их приносил тот самый друг дедушки. Он по прежнему приходил в глубоком капюшоне, по прежнему не поднимал головы и не произносил ни слова в адрес нового зрителя. Мирим уже не ждал от него слов — в этом

молчаливом ритуале была своя суровая правда, свой негласный договор.

...

Закончив с делами, Мирим почувствовал, как наваливается тихая усталость, и решил немного перекусить. Спустившись в прохладный погреб, пахнувший землёй и временем, он достал несколько картофелин и ломтик вяленого мяса степного рогача — пряного, с горьковатым оттенком трав.

Поднимаясь по винтовой лестнице маяка, ступенька за ступенькой, он нёс эту скромную еду, но, едва достигнув площадки, где располагалась кухня, невольно остановился у окна. Отсюда открывался величественный вид: море катило свои волны к скалистому берегу, небо сливалось с горизонтом в единую синюю гладь, и даже в этой суровой красоте было что то умиротворяющее. Но взгляд Мирима, как всегда, скользнул мимо бескрайнего простора — туда, где на небольшом пригорке, укрытом редкими травами, темнели два деревянных креста. Они стояли рядом — один чуть выше, другой чуть покосившийся от ветров и дождей. Он не знал, кто покоится под вторым, и сколько раз ни пытался вывести это у дедушки, всякий раз натёкался на мягкую, но непреклонную просьбу не спрашивать. Дедушка никогда не сердился, лишь ласково клал руку ему на плечо и тихо говорил: «Есть вещи, что лучше оставить покоиться вместе с теми, кто ушёл». В памяти Мирима навсегда отпечатались две просьбы, которые дедушка повторил не раз, будто в них

заклучалась вся его последняя воля: похоронить его рядом с тем, другим, и никогда не бросать маяк.

...

В очередной раз залив масло в резервуар и аккуратно заменив фитиль — так, как когда то терпеливо показывал дедушка, — Мирим спустился на склад, чтобы отнести туда остатки. Холодный полумрак помещения, пахнувший солью, деревом и временем, вдруг заставил его остановиться. Он окинул взглядом полки, и сердце сжалось от недоброго предчувствия: запасы почти иссякли. Не только расходные материалы подходили к концу — даже еда таяла с пугающей быстротой. Мешки с крупой заметно опали, банки стояли почти пустые, а вяленое мясо, прежде казавшееся неисчерпаемым, теперь насчитывалось считаными ломтиками. Мирим застыл посреди склада, будто пытаясь удержать ускользающую реальность, и в голове пронзительно мелькнул вопрос: когда в последний раз приходил тот молчаливый «знакомый»? Ответ пришёл сразу — и от него стало ещё холоднее. Очень давно. Так давно, что дни слились в одну сплошную череду одинаковых рассветов и закатов, и Мирим уже и не помнил, в какой именно момент перестал ждать стука в дверь. Он думал, что однажды припасы начнут подходить к концу, — разумно было к этому готовиться. Но он не думал, что это случится так скоро.

Юноша медленно обошёл полки, пересчитывая про себя скудные остатки. И когда он закончил, горькая правда легла

на плечи тяжёлым грузом: неделя. Не больше. Ещё семь дней скромных порций, ещё семь ночей, когда свет маяка будет гореть.

...

Прошло ещё несколько дней — тихих, тягучих, наполненных только шумом ветра да мерным скрипом деревянных ступеней. Никто не пришёл. Ни знакомый в капюшоне, ни какойлибо иной вестник с материка. Молчание острова становилось всё тяжелее, будто само пространство сжималось вокруг Мирима, подталкивая его к неизбежному решению. Запасы окончательно истончились. Оставлять всё это на потом не имело смысла — нужно было идти в город. Иного выхода не оставалось.

Мирим собрал походную сумку. В неё легли остатки еды, огниво, тонкий моток верёвки, нож — всё, что могло пригодиться в пути. Но едва он взялся за дверную ручку, собираясь переступить порог, в груди что то дёрнулось от внезапной, острой мысли: а кто зажжёт маяк этой ночью?

Оставить маяк погасшим он не мог — это было невыносимо. Зажечь огонь и уйти в темноту тоже не имело смысла: путь до города был неблизким. Мирим замер на пороге, чувствуя, как время будто замедляется, и в этой звенящей тишине в голову пришла идея — простая, но, возможно, единственно возможная.

Он вернулся к лампе, вылил в чан последние остатки масла — те самые, что берег на самый крайний случай. Затем

скрутил один плотный, толстый фитиль, такой, чтобы горел долго и ровно, не вспыхивая и не гаснув от порывов ветра. По его расчётам, этого должно было хватить на несколько дней — достаточно, чтобы дойти до города, раздобыть припасы и вернуться.

Но оставался ещё один вопрос: как сделать так, чтобы огонь загорелся именно под вечер, когда тьма начнёт опускаться на море? Тогда Мирим достал все свечи, какие у него оставались. Их было немного — несколько тонких, оплывших столбиков, кое где уже тронутых временем. Он соединил все остатки свечей вместе, в один большой и плотный источник света. Когда свеча прогорит, пламя перейдет на фитиль маяка. И зажег свечу в надежде что его план сработает.

«Наверное, это лучшее, что я могу придумать сейчас, — тихо прошептал Мирим, будто убеждая самого себя. — Да и выбора особого нет».

Взяв вещи, Мирим ненадолго задержался у могилы дедушки. Он бросил короткий взгляд на второй крест — тёмный, обветренный, хранящий свою вековую тайну, — но тут же вернул взор к тому, что был ему дороже всего. Юноша положил ладонь на шершавое дерево креста.

— Прости, дедуль, — тихо проговорил он, и голос его, обычно сдержанный, дрогнул, выдавая ту тяжесть, что легла на сердце. — Я обещал не покидать маяк Но я скоро вернусь. И я сдержу слово. Обязательно сдержу.

С этими словами Мирим отнял руку от креста, выпрямил-

ся, расправил плечи и, крепко сжав лямки сумки, вышел за порог маяка. Дверь тихо скрипнула, закрываясь за его спиной, и этот звук отозвался в груди щемящей нотой — как прощальный аккорд перед долгим и нелёгким путём

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.